

ПРОБЛЕМА ПРОЯСНЕНИЯ ПРЕДМЕТНЫХ ОСНОВАНИЙ И ЗАДАЧ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

По мнению Аристотеля, философия начинается с удивления. Вначале люди удивляются тому, что непосредственно вызвало недоумение, затем задаются вопросами о более значительном – смене положения Луны, происхождении Вселенной и т.д. [1]. Отличным примером подобного рода вопросов являются вопросы о первых основаниях чего бы то ни было – вопросы метафизического характера. Вопрос о предметных основаниях и задачах философии права принадлежит как раз к указанному виду вопросов.

Первое приближение к проблеме прояснения предметных оснований и задач философии права позволяет понять, что решение данной проблемы, так или иначе связано с решением проблемы о прояснении специфики философско-правового подхода, его отличии от теории права, относящейся к юриспруденции. Разрешение этих проблем мы находим в статье Н. В. Бряник «Преступление и наказание в свете философии права». Н. В. Бряник анализирует различные позиции (уголовно-правовую, научно-философскую, художественно-философскую) в понимании основополагающих правовых категорий «преступление» и «наказание». В результате рассмотрения позиции теории уголовного права, ее сущность оказывается понятой как толкование действующего законодательства. Анализ позиций М. Фуко, П. Сорокина, И. Ильина, Ф. М. Достоевского позволяет заключить, что все они являются философско-правовыми. Всем им свойственно отсутствие априорно-установленных правовых понятий, осмысление и переосмысление правовых категорий. Специфика философско-правового подхода определяется Н. В. Бряник, через процесс «дистанцирования от действующих законодательств с целью критического осмысления их оснований, сравнения различных типов правовых систем, определения места и роли человека в правовой реальности, в истории, в современности, а также выдвижение прогноза на будущее» [2]. Основанием необходимости отстранения философии права от действующей правовой реальности оказывается стремление не допустить процесса перманентного отражения изменчивой правовой

реальности настоящего. Вероятно, именно это и становится залогом менее зависимого от духа правовой реальности настоящего, философско-правового размышления о «путях ее (правовой реальности) возможного развития на базе мирового опыта человечества» [2].

Обнаружение специфики философско-правового подхода в отстранении от действующих законодательств. Требуется обращения к понятиям «правовая категория» и «правовая реальность». Правовые категории в рамках данной статьи понимаются как некие первые, родовые понятия права, лежащие в его основании. С. И. Максимов в статье «Правовая реальность» пишет, что правовая реальность – это «категория философии права, призванная отобразить способ бытия права; особый мир права, конструируемый из многообразных правовых явлений и процессов, упорядоченных в зависимости от отношения к базисному феномену или “первореальности права”» [3. С. 426]. При этом, следует заметить, что правовая реальность «не представляет собой некую субстанциональную реальность (материальную или идеальную)», являясь «способом интерпретации и организации определенных аспектов социальной жизни, взаимодействия людей» [3. С. 426]. По всей видимости, данному определению понятия правовой реальности не будет противоречить то дополнение, согласно которому основание любой правовой реальности составляет некое конечное множество правовых категорий, связанных между собой определенными отношениями. Действующее законодательство, в таком случае, оказывается конкретной реализацией, отображением или артефактом правовой реальности настоящего периода времени.

Принимая определения вышеуказанных понятий, и дополнения к ним, представляется возможным предположить, что обнаружение предметных оснований философии права не только отстранение от действующего законодательства, правовой реальности, результатом чего становится попытка создания модели такой правовой реальности, где должное и сущее были бы тождественными, попытка своего рода квазифеноменологической редукции к основаниям права.

Правовыми категориями, пример деконструкции коих представляется возможным обнаружить в имеющихся место философско-правовых позициях, выступают уже упоминавшиеся категории преступления и наказания. Фридрих Ницше в работе «К генеалогии морали», рассматривая становление права в древности,

говорит об основанности правовой системы на понятиях купли, продажи, обмена и торговли. Преступник, таким образом, оказывается должником, общество (община) – заимодавцем, преступление и наказание – займом общественного ущерба и взиманием долга страданиями или прекращением жизни преступника. Интересным оказывается то, что по мере роста влияния власти общины происходит неизбежное смягчение уголовного права. Ницше пишет: «Заимодавец всегда становился гуманным по мере того, как он богател; под конец, мерилом его богатства оказывается даже то, какое количество убытков он в состоянии понести, не страдая от этого. Нет ничего невообразимого, чтобы представить себе общество с таким сознанием собственного могущества, при котором оно могло бы позволить себе благороднейшую роскошь из всех имеющихся в его распоряжении – оставить безнаказанным того, кто наносит ему вред. “Какое мне, собственно дело до моих паразитов? – вправе было бы оно сказать в таком случае – Пусть себе живут и процветают: для этого я еще достаточно сильно!»» [4. С. 450]. Ницше деконструирует традиционное понимание категорий преступления и наказания, интерпретируя их как формы взаимоотношения общества и индивида, понимаемых как «заимодавец» и «должник». Также в рамках данной философско-правовой позиции происходит переосмысление неразрывности взаимоотношений между данными категориями: может иметь место ситуация наличия преступления, без наличия наказания.

М. Фуко в работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» рассматривает трансформацию европейской уголовно-правовой системы на стыке XVIII-XIX вв. Интересующим нас здесь моментом деконструкции представляется выделение в процессе трансформации уголовного права смены того, на что направлено наказание – если ранее ему подвергалось тело, теперь ему стала подвергаться душа преступника. Подобного рода осмысление категории наказания, без всякого сомнения, расширяет наше представление о ней.

Примером деконструкции является художественно-философско-правовая позиция, высказанная Ф. М. Достоевским в романе «Преступление и наказание». Достаточно в данном случае рассмотреть концепцию Раскольникова, в рамках коей он производит деконструкцию понятия «преступление», разрывая взаимосвязь категорий «преступление» и «наказание». Оказывается, что вполне может быть преступление, за которым не только не следует

наказание, но которое может принести преступнику славу и величие. Таковыми являются реформы всех великих законодателей, сводов новых законов, предающие забвению старые. Обращение к истории позволяет понять, что случаи совершения подобных преступлений не столь уж и редки.

Прояснение предметных оснований философии права посредством выделения специфики философско-правового подхода, состоящего как в отстранении от действующего законодательства, так, и в отстранении от современной, да и любой вообще, правовой реальности в попытке деконструкции самих основных правовых категорий позволяет разрешить проблему проявления задач философии права. Таковыми, по всей видимости, могут выступать:

1. Выявление для определенного периода времени функции, условно могущей быть названной функцией правотворчества, представляющей собой отображение, которое каждому элементу множества процессов общественной жизни (политические, экономические, духовные) ставит в соответствие элемент множества правовой реальности. Как следствие – соотнесение элементов множества правовой реальности с элементами множества актов действующего, на выбранный период времени, законодательства.

2. Прогностическая задача: анализ множества современных процессов общественной жизни и высказывание предположения о том, какие именно процессы в ближайшем будущем станут причиной возникновения нового элемента правовой реальности, будут поставлены в соответствие какому-либо его существующему элементу, будут воплощены в элементах множества актов законодательства.

Примечания

1. *Аристотель*. Метафизика. М.: Эксмо, 2006.
2. *Брянник Н. В.* Преступление и наказание в свете философии права // Философия права. Вып. 1. Предметные основания. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.
3. *Максимов С. И.* Правовая реальность // Философский словарь по правам человека. Екатеринбург: АМБ, 2007.
4. *Ницше Ф.* К генеалогии морали // Ницше Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 2.